

УДК 398.22
DOI 10.17223/18137083/53/2

Г. С. Врганесян¹, Л. В. Озолия²

¹ *Российский государственный гуманитарный университет, Москва*

² *Институт филологии СО РАН, Новосибирск*

Медвежий праздник ороков-уйльта: общее и особенное

Медвежий праздник и культ медведя на Дальнем Востоке имеют все основания считаться одним из краеугольных камней экологической культуры коренных народов региона, в том числе и культуры ороков. Хотя этот обряд во многом уже стал частью истории, интерес к нему по-прежнему сохраняется. В обряде ороков есть много особенного. Это поедание головы медведя после перекочевки с места убоя, хранение медвежьего мяса на лабазе, разрезание сердца и языка медведя на три части. Кроме того, это захоронение с костями медведя его деревянного изображения. Особенности орокского обряда проявились и в обрядовой лексике – названиях зимнего (хуриачи) и летнего (гупури) медвежьего праздников, имеющих, по мнению авторов, семантику возрождения и умирания солнца.

Ключевые слова: культ медведя, Медвежий праздник, структуры обряда, особенности и вариативность обряда.

Медвежий праздник, в основе которого лежит культ медведя на Дальнем Востоке, являлся одним из опорных «каменей» экологической культуры коренных народов региона. Несмотря на то, что этот обряд во многом стал уже частью истории, интерес исследователей к нему сохраняется (см., например, работы З. П. Соколовой [2002], М. Г. Турова [2002], М. Г. Тэминой [2006] и др.). Народы, практиковавшие этот обряд с убоем выращенного в срубке медведя (нивхи, ульчи, ороки и др.), называли его медвежьими играми: *нивх.* котр лакрдь [Тэмина, 2006, с. 26], *ульч.* буюмба хупи ‘медведя играть’ [Золотарев, 1939, с. 121], но так как термин *праздник* «устоялся», мы будем использовать именно его.

Медвежий праздник – это комплекс обрядов, связанный с культом медведя, широко распространенный на севере Евразии, в частности, у народов Сахалина:

Врганесян Гарегин Суренович – кандидат технических наук, старший научный сотрудник Центра изучения религий Российского государственного гуманитарного университета (Миусская пл., 6, Москва, 125047, Россия; veges2011@yandex.ru)

Озолия Лариса Викторовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; larisa-3302803@rambler.ru)

ISSN 1813-7083 Сибирский филологический журнал. 2015. № 4
© Г. С. Врганесян, Л. В. Озолия, 2015

ороков, нивхов и айнов. Проявление этого культа, например, «просматривается» в том, что лапы медведя считались амулетами охотников, их прятали и никому не показывали, чтобы не спугнуть удачу, в отличие, например, от эвенков, которые вешали их в качестве оберегов над колыбелями [Василевич, 1969, с. 218–229]. Структура обряда была достаточно сложна, хотя ныне он предстает в упрощенном виде. Первый вариант, связанный с добычей медведя в берлоге, встречался у уйльта редко. Обряд во втором варианте – это убой выкармливаемого в срубе в течение двух зим медвежонка, которого затем привязывали к столбам, увитым ритуальными стружками **илау** ~ **инау**, и стрелок – представитель другого, но дружественного рода его убивал. За этим следовали «искупительные» обряды за убийство медведя, согласно мифу ставшего прародителем ороков (см., например, сюжеты о том, как брат отдал сестру медведю или одна из сестер оставила младшую у корней дерева, а она родила детей от мужа-медведя, «откуда и пошли все ороки» и др.). Вместе с многочисленными гостями из дружественных родов готовили и съедали угощение и мясо медведя, причем с соблюдением всех запретов по гендерному признаку, после чего следовали игры-соревнования (национальная борьба, бег, гонки на оленях или собаках, прыжки, песни, пляски и т. п.). Завершая обряд, один из старейших представителей рода на рассвете коптил кости медведя, после чего их укладывали на особый помост и хранили, причем место хранения считалось священным (иногда – запретным), внутренности (кишки) зарывали – «погребали» – отдельно.

Обряд с убоем выращенного медведя обычно являлся достоянием оседлых групп населения, тогда как ороков-оленоводов скорее можно было бы считать полукочевниками: весь род менял места стоянок дважды: весной и осенью, тогда как пастухи со стадом перекочевывали не менее четырех раз в год. Ныне известны всего три описания обряда у уйльта, относящиеся к убою выращенного медведя, а описаний, связанных с охотой на медведя и добычей его в тайге всего два. Автором первого наиболее подробного описания является Б. О. Пилсудский [Пилсудский, 1989]. Обряд убоя выращенного в срубе зверя описан в работе Б. А. Васильева [Васильев, 1929, с. 3–22]. Краткое описание ноябрьской охоты на медведя в берлоге, трапезы и захоронения его останков сделано в конце XX в. С. В. Березницким [Березницкий, 2003, с. 373]. Еще одним описанием Медвежьего праздника ороков (уйльта) является текст из архива К. А. Новиковой [Архив Новиковой, 3, 20, I], впервые вводимый в научный оборот. Рассказ был записан в сентябре 1949 г. в пос. Вал Восточно-Сахалинского района от Татьяны Степановой, 1866 года рождения, уйльта по национальности: отец – из рода Намисса, мать – из рода Синахудо. Рассказ она слышала от своего отца, М. Степанова.

Тэлуу Хураччури

Халан-да горопчиду улта бојомбо вāписсā, хураччуккил биччи. Пурэнду бојомбо вāписсā, наттāни āччичи. Диллени чунгулличи, улиссэни пāди агуоччэри, дукутаккери гāдичи. Диллени дукутаккери ивудичи. Ивудооччэри, дилитај тојэчи, хāј-дā дэппэни чипāли-да. Дува вāписсā, бала-бал хураччичи. Тувэ вāписсā, диллинори гāдуоччэри дукутаккери, ивудооччэри тојовкилил. Улиссэни пэвлэнду эксэоччэри, бујпуккилил дубэ бэва, чооччэри-гда хурачиллоkkalил.

Хурāчилуписсā гој гасанду нāрилба наррокилил биччи. Наттани холдичи. Араснај дэппе андооччэри, нарисалтај тојэчи. Чооччэри хупилличи: туксавра, мамбакка гāниррā, ноторро омори, хуппуккилил. Хурачимари ходиписсā гирапсалбани мокки гйдадуоччэри, диллени тулэдооччэри гуллукилил биччи. Гулимэри ходиписсā пэвлэккоччэри эксэкилил биччи. Гулливэчи нудэ эвуккилил итэндэ бичи. Тэны гева агбиндидуни геда сагдинне таллу иваккāчи гуллини.

Горочинне пурэндүлэ сиротомбо дапапе, корриндуни андоччи, уддуки биччи. Илѣмба ананне удеччи, вѣвуккилил биччи. Бојоннури вѣбуддори андајнепа нѣвумбуккили(л) биччи. Нѣвуккѣччѣри дуккори илалта хѣрѣлимѣли орокпоччуккилил биччи. Торомбо андооччѣри иллавуни ујчѣччѣри, покто ду холдоккени иллучуккилил биччи. Чооччѣри бојонури локкѣ апчидини ујуккилил. Чооччи галпанупуккилил биччи. Эктѣнне ча галпанасивачи ѣвуккилил итѣччѣ. Бултај вѣриддори андајнепа галпавмари вѣвумбуккилил биччи. Пони нарисал добомори, пони хавс (хаус) вѣмари вѣвуккилил биччи. Чооччѣри-гда хурачиррѣ, хупиррѣ оввукилил биччи. Пурѣнду бојомбо бѣмари, гидади вѣвуккилил биччи.

Килло бојомбо вѣпе, улиссѣни чадутгы боруккилил биччи. Диллени, мѣвамбани, синнѣни камур олопуккилил. Чооччѣри нарисалба хѣвѣччѣри, гѣсѣ оччѣри дѣптуккилил. Чипали хусѣннѣмѣли, ѣккѣл ѣвуккилил дѣптѣ. Олописсѣ дилиннури талдаккени калталличи, мѣваннури, синуннори иландула по минѣччѣри, мо дувѣдини наритај бууаччѣри боримбуккилил. Тари дѣптулубуддори, «Кук!» умѣри, пулахи-пиндичи. Гирапсѣни ѣсичи мѣтѣллѣ, пѣвлѣмбѣ андуоччѣри, ѣксичи.

Мѣвѣжий праздник. Давно в старину ороки, убив мѣвѣдѣя, устраивали мѣвѣжий праздник. Убив в тайге мѣвѣдѣя, шкуру его снимали. Голову отрезали, мясо отдельно отделив, привозили домой. Голову его вносили домой. Внеся в дом, различную еду (кушанья) ставили перед мѣвѣжьѣй головой (точнее: различной едой голову мѣвѣдѣя угощали)¹. Убив летом, тут же (скорее) устраивали праздник. Если убивали зимой, голову привозили домой, внося в дом, угощали. Мясо его <мѣвѣдѣя>² клали на вешала (на помост) и держали (там) два мѣсяца, после этого срока устраивали мѣвѣжий праздник.

На праздник приглашали людей из других стойбищ. Шкуру высушивали. Приготовляли разную еду и угощали людей. Затем устраивали разные игры: олѣньи гонки, взяв (принеся) рукавицы, устраивали борьбу, (затем) играли. После праздника (окончив праздник), кости (позвонки) нанизывали на палку, голову его <мѣвѣдѣя> тоже нанизывали (ставили) <голова ставится или укладывается на помост перед нанизанными на палку позвонками>. После того как нанижут на палку, клали на помост. Где кладут, никто не должен видеть. На рассвете один старший старик жжет бересту и коптит <скелет, кости>.

Старинный человек (живший в старину), поймав в тайге мѣвѣжонка, делал (сделав) маленький балаганчик <для мѣвѣжонка> и воспитывал его. Продержав (воспитав) три года, убивал его. Чтобы убить мѣвѣжонка, приглашали человека из другого другого <дружественного> рода. Вывѣдя мѣвѣдѣя, три раза водили его вокруг дома. Срубив деревья <соорудив ритуальные столбы>, украшали их <ритуальными> стружками (иллавуни) и ставили по обоим сторонам дороги. Затем мѣвѣдѣя привязывали так, чтобы можно было достать стрелой. Потом стреляли из лука. Женщины, когда стреляли из лука, не должны были смотреть. Чтобы совсем убить, приглашали человека из другого рода, чтобы он убил из лука. Некоторые мужчины убивали не сразу, некоторые сразу (на смерть) убивали. После этого устраивали Мѣвѣжий праздник, увеселения, развлечения: игры, песни, соревнования. Встрѣчая мѣвѣдѣя в тайге, убивали его копьем.

Тунгусы, убив мѣвѣдѣя, мясо его делили там же. Его голову, сердце, язык варили вместе. Затем, позвав людей, кушали вместе. Кушали только мужчины, женщины не кушали <голову, сердце и язык>. Сварив голову, делили ее пополам, сердце и язык делили на три части, концом палочки раздавали людям (давая, де-

---

¹ Пояснения и уточнения в круглых скобках сделаны К. А. Новиковой во время записи текста.

² Пояснения и уточнения в угловых скобках сделаны Л. Озолиной на основе информации, полученной от носительницы языка улѣта Семеновой Анны Васильевны.

лили). Перед тем, как съесть, выкрикивают «Кук!». Кости (скелет) его <медведя> не бросают, сделав помост, туда кладут.

Выявления общего и особенного следует начать с рассмотрения обрядовых параметров времени и пространства, а также использования в обряде специальных атрибутов и употребления определенной лексики. Что касается сроков выращивания медведя в срубе, то Б. О. Пилсудский и Б. А. Васильев единодушны – не более двух зим (хотя в материалах К. А. Новиковой указывается три года). Временные рамки совершения обряда у уйльта были достаточно широки: Б. О. Пилсудский пишет о зимнем (хуриаши) и летнем (гупури) Медвежьих праздниках. Заимствованной у нивхов, опираясь на обрядовую лексику, он считал форму с убоем выращенного медведя [Пилсудский, 1989, с. 62]. В пользу этого говорил такой факт, как широко распространенные у нивхов «объятия» с медведем, которые «доверялись» только членам рода хозяина медведя, что присуще и обряду уйльта. Кроме того, у ороков отмечался такой элемент обряда, имеющийся также у нивхов и айнов, как установка имитирующих деревья украшенных **илау** ~ **инау** столбов на пути к столбам для привязи медведя.

Однако принять безоговорочно мнение Б. О. Пилсудского о заимствованности уйльта у нивхов обряда в целом не позволяет ряд следующих обстоятельств. Во-первых, нивхский обряд ограничивался зимним временем: он проводился в промежутке с конца декабря до конца марта [Таксами, 1975, с. 165]. Во-вторых, направлением, куда должна была «следовать» душа медведя, у ороков был восток, а у сахалинских нивхов – это запад [Васильев, 1929, с. 19]. Кроме того, ороки не имели специального «медвежьего» очага, что отмечается в нивхском обряде, и, в отличие от нивхов, не хоронили вместе с костями такой полезный с медицинской точки зрения продукт, как медвежья желчь. Также, выводя медведя из его сруба – кори, ороки, в отличие от нивхов, никогда не вводили его в чум [Пилсудский, 1989, с. 60].

Однако в любом случае отдельные элементы обряда для кочевых оленеводов-уйльта были инновациями, так что источником заимствования вполне можно считать и айнов. Указанием на допустимость такого мнения может быть название ритуальных стружек **инау** ~ **илау** [Пилсудский, 1989, с. 62], столбов для привязывания медведя перед убоем **туды** (ср. *айн.* туру и *орок.* торо ~ туру ‘столб’) [Штернберг, 1933, с. 439] и др. Вообще влияние айнов на мифологию ороков ощущается и в фольклоре: это образ бородатого (!) «горного» (доброе) духа охоты Мыргыды [Пилсудский, 1989, с. 14], что является *искаж.* **мэргэ эдэн** ‘богатырь-хозяин, царь’, т. е. главный дух охотников, где, вероятно, *орок.* **мэргэ(н-)** ‘богатырь’ [ТМС, 1, с. 571] и **эдэ(н-)** ‘царь, хозяин; главный’, с чем связано и *орок.* **эдэхэ** *устар. религ.* дух-покровитель охотника (*изображение*), ср. также *нан.* **эдэхэ** *устар. религ.* дух-покровитель охотника (*изображение*), *ульч.* **эдэхэ** (**эдэхэ(н-)**) *религ. устар. изображение человекообразного духа – покровителя охотника; уд.* **эдэхэ** *религ. устар.* дух-хозяин и др. [ТМС, 2, с. 437–438].

Однако ороки не знали такой характерной детали айнского обряда, как чернение зубов годовалого медведя после подпиливания, и кроме того, приступая к трапезе, они не снимали обувь, что отмечается в айнском обряде как обязательный элемент. В комплект «дорожного снаряжения» духа медведя у айнов обязательно входили модели лыж [Пилсудский, 1914, с. 87], что явно указывает на время совершения айнского обряда – это зима. Кроме того, в отличие от айнов и нивхов, ороки передние лапы убитого на площадке медведя прижимали к телу [Пилсудский, 1989, с. 59]. И еще одна деталь выделяет орокский обряд – ритуал варки и поедания медвежьей головы: обычно это происходило после перекочевки, уже на новой стоянке [Васильев, 1929, с. 19], в отличие от всех известных описаний Медвежьего праздника на Амуре и Сахалине. Кроме того, в записи К. А. Но-

виковой отмечено, что зимой мясо медведя хранилось на лабазе два месяца (!), что также не имеет аналогий в других описаниях Медвежьего праздника.

Что же касается хронологических рамок появления и существования обряда с убоем выкормленного в срубе медведя в той форме, как он был зафиксирован Б. О. Пилсудским уже в начале XX в., то этнографических данных по этому поводу нет, поэтому очень приблизительно его можно соотнести со сроками относительной оседлости уйльта (освоение рыбной ловли как одного из важных хозяйственных занятий).

Обращаясь к особенностям маркировки пространства в обряде, отметим, что ороки были «зажаты» между морем и горной тайгой, что сказалось на особенностях разделения пространства. Это касается особенностей выбора места убоя: площадка обычно располагалась на опушке тайги, что условно можно рассматривать как стык двух миров – Верхнего, где локализовался «медвежий мир» с хозяином Доото, и Нижнего (море, река), принадлежащего Тээму ‘духу-хозяину моря’ [Озолиня, 2001, с. 367]. В этом просматриваются параллели с «таежным» (На Дуэнтэни) и «водным» (Муэ Дуэнтэни) медведями нанайцев [Сем, 1986, с. 36], хозяевами таежного и водного миров. Трехчастное деление окружающего мира на Верхний (горная тайга), Средний (локус обитания) и Нижний (река, море) выражено достаточно явно, фактически сочетая «вертикальную» (условно дошаманскую) и более позднюю «речную» модели организации пространства.

Статус востока как главного, доминирующего направления в обряде ороков подчеркивался тем, что медведь располагался на восточной стороне площадки (сторона восхода солнца) и летящие в него стрелы, выпускаемые стрелком, также указывали на восток, как на направление, куда должна была удаляться душа медведя. У нивхов Сахалина медведь располагался на западной стороне площадки (т. е. в направлении Сахалинского хребта), туда же должна была отправиться и душа медведя.

Для Медвежьего праздника ороки сооружали новый чум, обычно больших размеров (около 10 м в диаметре), с двумя входами [Васильев, 1929, с. 6, 19]. У уйльта существовала специальная ритуальная посуда: ковши и ложки с изображениями медведя, но по форме они отличались от нивхских [Там же, с. 19]. Вообще набор ритуальных предметов уйльта был значительно меньше, чем у нивхов [Тэмина, 2006, с. 34]. Были известны орокам и ритуальные «медвежьи» ножи – **магли куцига**, которыми отделяли сердце, глаза и голову медведя. Одновременно ножи выполняли функцию «счетной палочки»: к черенку привязывали пучки волос с половых органов медведей, разделанных этим ножом. Нож по достижении «старости» заворачивали в **инау (илау)** и хоронили вместе с костями медведя [Пилсудский, 1989, с. 59]. Имелось название для шкуры с головы медведя – **маги** [Озолиня, 2001, с. 176], что свидетельствует об особой роли медвежьей головы в обряде. Отметим, что айны также использовали особые ножи для обдирки головы медведя и половых органов [Пилсудский, 1914, с. 125]. Все это – «гарнитур» и ножи – хранилось в специальных амбарах или ящиках, заботливо укутанных **инау** [Там же, с. 109, 125]. Однако в целом орокский обряд вождения медведя вокруг сруба, проруби и по селению, причем без ввода медведя в жилища, – прощание его с локусом обитания – в сравнении с нивхским и айнским был упрощен [Пилсудский, 1989, с. 58].

В записях К. А. Новиковой отмечен ряд уникальных деталей, которые не зафиксированы во всех известных описаниях Медвежьего праздника. К таким особенностям относится способ разделки именно на три части сердца и языка убитого на охоте медведя [Архив Новиковой, 3, 20, I]. Отмеченный у уйльта обычай кричать «**Кук!**» (в других источниках – кричать вороном, ср. **гак-гак** *подражание крику ворона* [Озолиня, 2001, с. 55]) перед поеданием этих частей медведя только мужчинами (!) является почти общетунгусским: он не отмечен только у нанайцев.

Список запретных для поедания женщинами органов и частей медведя в целом не особенно отличался от традиционного общетунгусского: это были обычно те органы, которые расположены выше диафрагмы медведя. Однако по данным Б. О. Пилсудского [Пилсудский, 1989, с. 59], в «запретный» список уйльта были включены также мышцы бедер медведя.

Важной частью обряда являлось погребение останков медведя, причем способы погребения различались в зависимости от добычи зверя в тайге или убоя выращенного в срубе. Общими деталями, известными и жителям Приамурья (например, нанайцам, орочам, негидальцам и др.), можно считать обычай уйльта нанизывать череп с позвонками на деревянный прут или палку, а также копчение («чернение») костей скелета над горячей берестой, что распространено у орочей, негидальцев и нанайцев и символизирует «одевание» медведя перед погребением [Васильев, 1948, с. 93]. Особенностью орокского обряда при захоронении останков убитого в лесу зверя можно считать подкладывание к костям медведя также его изображения, вырезанного из дерева [Пилсудский, 1989, с. 62], что не отмечено в описаниях обряда других народов. Вероятно, условно это можно соотнести с обычаем нанайцев при «больших» (последних) поминках делать куклу **мугдэ**, которую потом оставляли на месте погребения или сжигали [Смоляк, 1995, с. 116, 117].

Особый интерес представляет анализ лексики обряда. Термин **хуриаци**, который зафиксировал Б.О. Пилсудский [Пилсудский, 1989, с. 62], скорее всего, является *искаж.* **хуриачи** ~ **хури(γ)атчи** (орокское **ч** отличается от славянской аффрикаты, особенно в позиции перед **и**, скорее напоминая русское **т^ч**, часто приближающееся к **т^с**, откуда славянское **ц < т + с**). Форма **хуратчи**, вероятно, в свою очередь стала результатом широко распространенного в орокском языке стяжения гласных. В этом случае **хуриаци** – субстантив от основы глагола **хуратчи- ~ хураччи-** ‘отмечать медвежий праздник’ [Озолиня, 2001, с. 161]. В записях К. А. Новиковой для названия летнего Медвежьего праздника также используются термины **хуратчи** и **хуратчури** ~ **хураччури** [Архив Новиковой, 20, II]. Однако если предположить, что исторически в слове **хури-аци** ~ **хури-атчи** выделялись два корневых морфа ***хури-** (см. *орок.* **хури-** 1) ожить, очнуться; 2) спасти, оживить [ТМС 2, с. 282; Озолиня, 2001, с. 161]) и ***атчи-** ~ **аччи-** (см. *орок.* **атчи-** (**аччи-**) 1) снимать, снять; 2) развязывать, развязать [Озолиня, 2001, с. 31]), то **хури-аци** ~ **хури-атчи** *букв.* ‘оживить, спасти, сняв <шкуру>’. Снятие шкуры убитого медведя уподоблялось развязыванию завязок-застежек – «раздеванию зверя», и такая трактовка является традиционной как для амурских нивхов и негидальцев, так и в Сибири и на Урале, у обских угров, что отмечал еще Б. А. Васильев [1948, с. 81–85]. Исходя из того, что ***хури-** ‘спасти, оживить’, то сакральный смысл Медвежьего праздника представляется как отражение процесса возрождения, «оживления» медведя через снятие шкуры, что и являлось одной из главных целей обряда.

Как отмечал Б. О. Пилсудский, **гупури** – название летнего Медвежьего праздника у ороков. Никаких терминологических параллелей или аналогичных номинаций, связанных с Медвежим праздником, в языках народов Приамурья и Сахалина не отмечено. Возможно, причина кроется в том, что летний Медвежий праздник в Приамурье уже в первой трети XX в. был достаточно редким явлением, а его отличительной чертой, например, у негидальцев оставались преимущественно состязания – гонки на лодках [Иванов, 1935, с. 63]. При анализе семантики названия летнего обряда уйльта высказывались предположения, что **гупури** – это субстантив ‘гашение, тушение’ от основы **гупу-** ‘гасить, тушить (огонь, пожар и др.)’ [ТМС, 1, с. 159], что в переносном смысле означает умерщвление медведя. Аналогичное использование глагола именно в таком переносном значении ‘убивать, лишать жизни’ отмечено в фольклорных текстах ороков в составе словосо-

четания **тавā** (таввā) **гупувури** ‘тушить, гасить огонь’; например, эр **Мокчу тавāпу гупулини** ‘это Мокчу наш огонь *тушит*’, т. е. Мокчу убивает нас [Петрова, 1967, с. 132, 135]; **манга мэргэ тари нари тавани гупуччини-тани** ‘сильный богатырь того человека убил (букв.: того человека *огонь потушил*)’ [Архив Новиковой, 3, 17] и др. Однако, возможно, **гупури** – это *искаж.* **хупури** ‘медвежий праздник: игры, развлечения’ (субстантив от основы глагола *орок. хупи-* 1) играть; 2) справлять медвежий праздник [ТМС, 2, с. 435], ср. *ульч. хупуву* (хупу-) ‘играть, заигрывать’ [Суник, 1985, с. 253]; *ороч. гиккэчи-* ~ *хиккэчи-* ‘играть’ и *эвинки-* ‘играть, соревноваться’, *нан. купи-* ~ *хупи-* 1) играть, забавляться; 2) состязаться; *уд. гусикчэ* ‘площадка для игр’ и др. [ТМС, 2, с. 435]), что в общем отражает суть летнего Медвежьего праздника.

В заключение хотелось бы отметить, что культ медведя и Медвежий праздник на Дальнем Востоке имеют все основания считаться одним из краеугольных камней экологической культуры коренных народов региона, в том числе и культуры ороков (уйльта). Однако, кроме работы Б. О. Пилсудского [Пилсудский, 1989], в которой впервые было представлено описание зимнего и летнего комплекса обрядов, традиционно называемых Медвежьими праздниками, сведения о Медвежьем празднике уйльта можно обнаружить лишь в работах Б. А. Васильева [Васильев, 1948] и С. В. Березницкого [Березницкий, 2003].

А между тем именно Медвежий праздник ороков (уйльта) как бы «синтезированный» в себе как традиции собственно тунгусских ритуалов, так и черты обрядов соседствующих народов, в первую очередь айнов и нивхов, обладает рядом специфических черт. Общие черты орокского и аинского обрядов, связанных с убоем выкормленного медведя, – это направление выстрела (восток), время выкармливания (две зимы), а также название столба для привязывания медведя и, возможно, облик «духа – хозяина» охоты Мыргыды (длинная борода). С нивхским и аинским обрядом Медвежий праздник ороков роднит наличие ритуальных предметов: специальных ножей и посуды для разделки и приготовления мяса медведя, а также прощальное вождение медведя по стойбищу, вокруг сруба и проруби. Общее с нанайским обрядом – «сборка» позвонков на прут, копчение костей (чернение черепа горячей берестой) и выставление скелета на помосте. Важной общетунгусской чертой орокского обряда является уподобление при поедании сердца воронам (крик «кук»). Однако ульта неизвестно было музыкальное бревно (удядюпу), которое использовалось при проведении ритуала ульчами и орочами.

Но в обряде ороков есть и много особенного. Это поедание головы медведя только после перекочевки с места убоя, хранение медвежьего мяса на лабазе, разрезание сердца и языка медведя на три части. Еще одной особенностью орокского обряда является захоронение вместе с костями медведя его деревянного изображения. К особенностям орокского обряда можно отнести и наличие двух вариантов Медвежьего праздника: зимнего (хуриачи) и летнего (гупури), имеющих, возможно, семантику возрождения и умирания солнца.

Список литературы

Архив Новиковой – *Новикова К. А.* Полевые записи 1949–1950 гг. Ин-т филологии СО РАН (Новосибирск), 4 тетр., тексты 1–25 [Дешифровка и пер. текста Л. В. Озолини].

Березницкий С. В. Этнические компоненты верований и ритуалов коренных народов амуро-сахалинского региона. Владивосток: Дальнаука, 2003. 485 с.

Василевич Г. М. Эвенки. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. 305 с.

Васильев Б. А. Основные черты этнографии ороков // *Этнография.* 1929. № 1, кн. 7. С. 3–22.

- Васильев Б. А.* Медвежий праздник // Советская этнография. 1948. № 4. С. 78–104.
- Золотарев А. М.* Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск, 1939. 205 с.
- Иванов С. В.* Орнаментака, религиозные представления и обряды, связанные с амурской лодкой // Советская этнография. 1935. № 4-5. С. 62–84.
- Озолия Л. В.* Орокско-русский словарь. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2001. 421 с.
- Петрова Т. И.* Язык ороков (ульта). Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1967. 155 с.
- Пилсудский Б.* На медвежьем празднике айнов о. Сахалина // Живая старина. Вып. I-II. Пг., 1914. С. 67–160.
- Пилсудский Б.* Из поездки к орокам о. Сахалина в 1904 году / Сахалинский обл. краевед. музей. Юж.-Сахалинск, 1989. 76 с. (Препр.).
- Сем Ю. А.* Мифологические представления нанайцев о природе и человеке // Генезис и эволюция этнических культур Сибири. Новосибирск: Наука, 1986. С. 30–40.
- Смоляк А. В.* Два обряда «касса» // Шаманизм и ранние религиозные представления. М., 1995. С. 114–143.
- Соколова З. П.* Культ медведя и медвежий праздник в мировоззрении и культуре народов Сибири // Этнографическое обозрение. 2002. № 1. С. 41–62.
- Суник О. П.* Ульчский язык. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1985. 263 с.
- ТМС – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: В 2 т. Л.: Наука, 1975. Т. 1; 1977. Т. 2.
- Таксами Ч. М.* Основные проблемы истории и этнографии нивхов. Л.: Наука, 1975. 238 с.
- Туров М. Г.* Эвенкийский обряд «проводов медведя» как форма организации пространства // Археология, этнография, антропология Евразии. 2002. № 3. С. 132–140.
- Тэмина М. Г.* Медвежий праздник нивхов. Вторая половина XIX – начало XX в.: Дисс. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2006. 215 с.
- Штернберг Л. Я.* Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933. 740 с.

Список сокращений

Айн. – айнский язык, *искаж.* – искажение, *нан.* – нанайский язык, *нивх.* – нивхский язык, *орок.* – орокский язык, *ороч.* – ороцкий язык, *уд.* – удэгейский язык, *ульч.* – ульчский язык, *устар.* – устаревшее, *религ.* – религиозное.

G. Vrtanes'an, L. Ozolinya

The Bear feast of Orok: common and specific features

The Bear feast and the bear cult in the Far East have every reason to be considered one of the cornerstones of the ecological culture of the indigenous peoples of the region including the Orok culture. Although this rite has become to a large extent a part of the history, it still arouses interest. The Orok rite has many specific features. They are the eating of the bear's head after returning from the killing site, keeping the bear's meat in the storage bin (labaz), cutting the bear's head and tongue into three parts. In addition, burying the bear's bones together with the bear's wooden image. The specific features of the Orok rite are preserved in the ritual vocabulary – in the naming units for the winter (хуриачи – khuriachi) and summer (гупури – gupuri) bear feast having, according to the authors, the semantics of the rebirth and dying of the Sun.

Keywords: bear cult, Bear feast, rite structures, specific features and variability of rite.

DOI 10.17223/18137083/53/2